

АЛЕКС МОНТ

ПРОКЛЯТИЕ ТАРЫ

АРТЕФАКТ-ДЕТЕКТИВ

НОВЫЙ
РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ
ОТ АНТОНА ЧИЖА

Rideró

Алекс МОНТ

**Проклятие Тары.
Артефакт-детектив**

«Издательские решения»

Монт А.

Проклятие Тары. Артефакт-детектив / А. Монт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569656-4

В сыскное агентство Москвы обращается сотрудник буддийского фонда с предложением отыскать золотую статую богини Тары, бесследно исчезнувшую в годы Гражданской войны. Соблазнившись суммой гонорара, директор агентства Чаров берется выполнить заказ. Его помощница Марина устанавливает, что к экспроприации раритета из храма в Улан-Баторе причастен будущий советский маршал Василий Блюхер. В игру вступают и могущественные силы, намеревающиеся использовать статую Тары в своих геополитических целях...

ISBN 978-5-00-569656-4

© Монт А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Задание бурята	6
Глава 2. Разорение дацана	12
Глава 3. Архивные изыскания и политические расклады	17
Глава 4. Закравшиеся подозрения	19
Глава 5. Засада у оврагов	22
Глава 6. Рискованная связь	24
Глава 7. Тяжелые фигуры в игре	26
Глава 8. Муж мой – враг мой	29
Глава 9. Преданный слуга	31
Глава 10. Тайна дедовского портфеля	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Проклятие Тары Артефакт-детектив

Алекс Монт

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Алекс Монт, 2022

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-9656-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Задание бурята

Ласкающая слух мелодия не сразу разбудила Марину. Сладко потягиваясь, она лениво перевернулась на спину, собираясь спать и дальше, но сообразила, что звонит мобильник.

– Дорогая, у меня есть чем обрадовать тебя! Приезжай, обсудим детали! – сообщил новость приятный мужской баритон.

– Дело хоть стоящее? – заспанным полупшепотом отозвалась она, беспокойно оглядываясь на безмятежно сопящего мужа, и поняла, что сказала глупость. За время знакомства с Георгием она хорошо изучила его и не могла не знать, что ради одного желания поболтать он не будет звонить так рано, да еще в выходной. Георгий Чаров, в прошлом подполковник ФСБ, был теперь партнером ее мужа. Пару лет назад после увольнения из органов он ухватился за предложение Матвея, показавшееся ему верхом бескорыстия, и открыл сыскное агентство. – Извини, еще не проснулась, – подавив зевоту, поправилась она.

– Жду тебя в офисе, – коротко бросил детектив и отключился. В недоумении она вышла на лоджию и, стараясь не шуметь, плотно прикрыла дверную створку.

Похрапывающий у стенки Матвей едва ли мог слышать их разговор, но в голове Марины уже мелькнула мысль, что сказать мужу о странном звонке. Матвей Иссерсон, расчетливый делец и респектабельный бизнесмен, не был ревнив, но, догадываясь о непреодолимой страсти супруги к детективным историям, категорически запретил ей совать нос в дела агентства и приставать к его директору с неуместными расспросами. Как же он ошибался и недооценивал ее! Едва ли он мог предположить, что уже целый год его жена спит с этим самым директором и с тех пор находится не только в курсе расследований агентства, но и участвует в них. Ради этого она и стала любовницей Георгия, а не из-за его веющей за версту харизмой, как потом пробовала убедить себя Марина. Впрочем, в интересах истины следует признать, что Чаров пошел на эту не предвещавшую спокойной жизни связь без особого энтузиазма и допускал Марину не далее прихожей сыскной конторы, позволив ей знать ровно столько, сколько отмечивал ей сам.

Залезая в постель к детективу, женщина рассчитывала на большую доверительность и временами осуждала себя за легкомыслие, однако ее чувства к Чарову постепенно разгорались, и она забыла первопричину своего грехопадения. Зябко кутаясь в махровый уют любимого халата, она закурила, задумалась. Звонок выдавил из нее сон, как горчицу из тюбика, и теперь она мучилась мыслью, какое дело собирается поручить ей Георгий. Неужели опять даст второстепенную мелочевку, а задание будет крутить он один? Уготованная для нее роль исполнительного статиста задевала самолюбие Марины, и она ждала подходящего случая изменить сложившийся статус-кво. Может, этот звонок и есть ее шанс?

За стеклом валил снег. Крупные рыхлые хлопья густо устилали пустынный бульвар и припаркованные авто. Заиндевелые деревья, неуклюже растопырив сучья, ловили медленно опускающиеся снежинки, а они, так и непойманные, упрямо стремились к земле. Было холодно, но мороз шел на убыль. В свете фонаря маячила фигура дворника, убиравшего снег у подъезда. Город еще спал...

Работа, о которой намекнул по телефону Чаров, вызвала у нее сомнения, если не сказать, что разочаровала. Какой-то узкоглазый с картой, толкующий о мифическом золоте барона Унгерна, зарытом где-то в даурских степях, буддийские монахи, древние монастыри, красные и белые. Это напомнило ей историю про остров сокровищ и капитана Флинта. «И как он мог повестись на все это?» – недоуменно слушая рассказ Георгия, задавалась вопросом женщина, пока тот не затронул финансовую сторону предприятия. Человек с картой платил солидный гонорар, и не имевший на тот момент серьезных заказов Чаров согласился не раздумывая. Клиента заботило следующее: удалось ли в далеком 1921 году частям Народно-революцион-

ной армии Дальневосточной республики¹ и органам Госохраны² найти и вывезти из Монголии золото барона Унгерна, укрытое в одном из храмов Урги³.

– И с чего мы начнем? – игриво улыбаясь, спросила она закончившего с объяснениями Георгия.

– Ты отправляешься в Брюссель, что сказать Матвею – сама придумашь, – детектив сделал акцент на слове «сама», – а потом занимаешься в архиве моего бывшего ведомства. Вопрос с пропуском я решу.

– Ой ли! Так уж и бывшего?! – лукавые огоньки загорелись в глазах женщины.

– Какая к черту разница! – попытался уйти от неприятной темы Чаров. Он неплохо изучил Марину и был прекрасно осведомлен о ее любви к насмешкам и подтруниванию. – Кстати, а зачем ты летишь в Бельгию? – с деланой суровостью спросил он.

– Просвети! – усаживаясь поглубже в кресло, задорно бросила Марина, в то время как ее левая нога, затянутая в высокий сапог, обольстительно раскачивалась перед насупленным взором Георгия.

– В Брюсселе встретишься с Карлом Хеллером – востоковедом-историком и признанным знатоком Монголии. За выходные я проглядел пару статей, где он пишет о золоте Унгерна и подробно исследует перипетии военных действий Азиатской дивизии барона против красных войск Блюхера.

– И обнаружил что-нибудь?

– Представь себе, да, – поймав ее интонацию, холодно парировал Чаров.

– И что же?

– По версии Хеллера, барон разделил золото на две неравные части: буддийские сокровища и царские слитки из бронепоезда Колчака⁴ он оставил в Урге у ламы одного из храмов Гандана – самого почитаемого монастыря у монгольских буддистов. Остальное золото – где-то около полутонны – плюс украшения с драгоценными камнями Унгерн держал при себе. Эта была так называемая походная казна Азиатской дивизии, загадочно исчезнувшая летом 1921 года. На ее розыски снаряжалась не одна экспедиция, но, увы, тщетно.

– Вот это да...! – мечтательно протянула Марина, прекратив качать сапогом. Тонны золота впечатлили ее. – Если твой Хеллер не врет, за такой куш стоит побороться! Одного не уловила – заказчика интересуется золото барона, спрятанное в монастыре, или эта полутонна с ювелиркой?

– От казны барона он, понятно, не отказывается, раз карту презентовал, – усмехнулся Чаров. – Однако, как ни крути, монастырское золото – это львиная доля сокровищ барона. И если казну дивизии до сих пор не нашли, то спрятанное в Гандане золото большевики могли забрать в Совдепию. Может, конечно, статья, что чекисты отыскали и походную казну барона. Поэтому будем работать по обоим направлениям.

– А кто он, этот твой новый клиент, и как на тебя вышел? – легкая тень беспокойства пробежала по ее лицу. «Не от Матвея ли человек?» – подумала женщина.

– Посредник. Некто господин Ергонов, бурят по национальности. Сказал, что действует по поручению не то благотворительного, не то религиозно-гуманитарного фонда Дхармахаара. Такой фонд существует, я проверял, – успокоил он вспыхнувшие подозрения Марины. – Попробуй разговорить профессора, а после засядешь в архиве, глядишь, и нароешь что-

¹ Буферное марионеточное государство, созданное в результате мирного соглашения между Советской Россией и Японией в 1920 году. В правительстве ДВР наряду с большевиками заседали меньшевики и эсеры, а в экономике царили капиталистические порядки. Целиком и полностью было зависимо от Кремля. Ликвидировано в ноябре 1922 года после победы над белогвардейцами и ухода из Приморья японцев.

² Местная ЧК.

³ Нынешний Улан-Батор, столица современной Монголии.

⁴ Речь идет о части золотого запаса Российской империи, захваченного Колчаком в Казани.

нибудь, – он склонился над ней и поцеловал в шею. Легкий озноб пробежал по плечам, и, ощутив скользящие прикосновения его рук, она почувствовала желание. Уютный диван спружинил бесшумно, задернулись жалюзи, и волнующая зыбкость колыхнулась в воздухе...

Заказ затянул Марину. Еще в детстве ее безумно интересовали прочитанные в книгах детективные истории, с увлечением и азартом она сопоставляла различные, нередко противоречивые факты, окунаясь с головой в семейные тайны и предания. Учеба в историко-архивном институте научила ее распознавать истину в пожелтевших от времени фолиантах. Она умела и любила работать с документами, вычлняя в ворохе фактов крупницы ценных, нужных именно ей сведений. Дипломированный архивист-историк, Марина была в своей области асом. «У тебя есть чутье и чувство сути, очевидно, врожденное», – говорила ей школьная учительница. В институте ее дар окреп, а после окончания ВШЭ, куда она пошла учиться вопреки желанию Матвея, собиравшегося сделать из жены образцовую домохозяйку, могла дать фору любому. Главные вопросы, которыми задавалась сейчас женщина – сохранились ли хоть какие-то сведения о золоте барона и что сможет сообщить хваленый брюссельский светила?

Ожидания не обманули ее, встреча с Хеллером многое прояснила. Трогательная история про пишущую о кладоискательстве журналистку, подсказанная искусственным в подобных трюках Чаровым, растопила сердце старого сухаря, и она узнала все, что могла, у польщенного неожиданно свалившимся на него женским вниманием востоковеда.

– Так вы полагаете, Карл, – взгляд ее до невозможности синих глаз действовал как гидролиз и без остатка растворял в себе собеседника, – золото барона красные вывезли на территорию Дальневосточной республики, а потом в Москву?

– Кроме походной казны дивизии, ее так и не нашли.

– Выходит, никаких следов?

– Якобы существует карта, на которой отмечено место, где люди барона спрятали золото, но я никогда не видел ее. Возможно, ее тоже захватили красные. После сражения в Бурятии под стенами Гусиноозерского дацана в июле 1921 года барон понял, что дальнейшее продвижение вглубь России в кольце красных войск невозможно, и начал отход в Монголию, так и не прорвавшись к Транссибу. Азиатская дивизия, со всех сторон обложенная войсками Блюхера, стремительно откатывалась в степь. К тому времени экспедиционный корпус красных занял Ургу и находился в тылу отрядов Унгерна, который лихорадочно метался по степи, пытаясь вырваться из сжимавшегося кольца. Однако...

– Большевикам удалось схватить заговоренного барона? – повернула беседу в нужное ей русло псевдожурналистка.

– Его предали свои же монголы, подкупленные красными. Впрочем, когда воинство барона узнало, что тот поведет их в Тибет через непроходимую летом пустыню Гоби, а не на восток в Приморье, многие ждали случая, чтобы дезертировать.

– Значит, в его дивизии служили монголы? – притворно удивилась она.

– И буряты тоже. Они составляли ее костяк, потому она и называлась Азиатской, – Хеллер умолк, сбившись с мысли.

– Куда же запропастилась казна дивизии? – пришла на помощь Марина, ни на секунду не упускавшая нить беседы.

– Так вот! – как ребенок обрадовался историк. – После поражения в Забайкалье Унгерн решил спрятать золото, чтобы оно не досталось большевикам. Не берусь судить, как его искали предыдущие экспедиции, но я бы пошел по пути отступления дивизии после боя за Гусиноозерский дацан. А это значит, что казну и самые редкие из драгоценных камней, которые барон держал при себе, спрятали между 24 июля и предательским пленением Унгерна отрядом Сундуй-Гуна в ночь на 22 августа.

– Благодарю за потрясающий рассказ, Карл. Великолепный материал для детектива, не находите?

– Как-то не думал об этом, – смутился профессор.

– Вы мне здорово помогли, даже не знаю, как благодарить вас!

– Может быть, поужинаете со мной? – не очень уверенно предложил он.

– С удовольствием, дорогой Карл, – ошастливила согласием Марина, предполагая возобновить допрос профессора в ресторане.

Пока она кокетничала с Хеллером в брюссельском ресто, Чаров размышлял над посланием Бадмы Ергонова. Бурят настоятельно просил не затягивать с поисками и дать ответ о судьбе пропавшего из ургинского монастыря золота не позднее православного Рождества.

«Ага, значит, все-таки монастырь!» – удовлетворенно подумал он и сверился с календарем. «Месяц есть, думаю, успеем», – понадеялся он на результативную поездку помощницы. «Мариша была б не Мариша, если бы позволила себе вернуться ни с чем», – не без оснований рассуждал детектив, с нетерпением ожидая звонка из Бельгии. «Однако странно. Из письма бурята выходит, что он определился с задачей только сейчас. Особенно любопытно вот это место, – Чаров отыскивал нужный абзац, – „...золотая статуя богини Тары должна обрести свой храм и вновь занять свой трон“, – как заведенный, повторял он, меряя шагами комнату. – До сих пор господин Ергонов хранил молчание о статуе и не ставил жестких временных рамок. Видать, что-то у них поменялось, раз возникла такая спешка! Или здесь кроется политика?» – неприятный холодок пробежал по спине, и взгляд упал на висевший над письменным столом портрет прапрадеда. Это была студенческая работа молодого Репина. Облаченный в коллеж-ассессорский мундир следователь Чаров⁵ взирал на потомка с улыбкой, но не снисходительной, как казалось ему ранее, а вполне себе одобряющей.

Ночью запиликала трубка.

– Порядок, Георгюнь, он выложил все, что знает, – оживленным, несмотря на поздний час, голосом Марина торопилась поделиться своей радостью.

– Неужели? – возбужденно переспросил он.

– Все до последней запятой, – победно выпалила женщина, напоминая отличницу дочь, спешившую обрадовать строгих родителей очередной пятеркой.

– Ты сейчас где? – внезапная ревность кольнула его.

– Вернулась в гостиницу и умираю спать, – соврала она, уловив напряжение в его тоне. На самом деле Марина была в ресторане и вышла в дамскую комнату, чтобы позвонить. Хеллер не на шутку увлекся ею, и она подумала, что с нее не убудет, если полюбозничает с профессором еще с часок. «Как-никак, а помог он нам капитально», – искала себе оправдание она.

– Вижу, времени зря не теряешь. Наш пострел везде поспел! – пробурчал детектив.

– Что-что? Не поняла?

– Ладно, не парься!

– Тогда до завтра, дорогой. Очень хочется баиньки, – чирикнула она, нарочито громко позевывая.

– Спокойной ночи! – процедил детектив и с раздражением отшвырнул трубку.

«Ничего, поворчит и успокоится, а маленький флирт мне не повредит!» – окинув себя в зеркале, усмехнулась женщина и довольная собой возвратилась в зал.

Чаров долго не мог уснуть. Он успел привязаться к Марине, и мысль, что она не одна, сильно досаждала. Георгий с трудом терпел ее собственного мужа, воспринимая персону Матвея как неизбежное зло. В аэропорт детектив отправился, не проспав и часа, с тяжелой головой и в скверном настроении. Когда они встретились, он все еще злился и только дома понемногу

⁵ О приключениях следователя Петербургского Окружного суда Сергея Павловича Чарова можно узнать из исторического детектива автора «Пропажа государственной важности», вышедшего в импринте Антона Чижана «Новый русский детектив».

оттаял. «В следующий раз буду осторожней, не стоит попусту дразнить гусей», – размышляла она, пока Чаров возился на кухне.

Она огляделась. В квартире прибрались, но было видно, что делалось все наспех, неумело и кое-как. «Да, не женская рука здесь занималась уборкой, не женская», – Марина поймала себя на мысли, что, если бы застала иную картину и квартиру вылизали бы до последнего угла в кладовке, ей бы это понравилось куда меньше. «Не следовало звонить ему ночью, не следовало», – посетовала женщина и заглянула на кухню.

– Давай помогу! – предложила она и, не дожидаясь ответа, повязала фартук.

– Раз уж взялась, нарежь лук для салата, – Чаров протянул внушительных размеров луковичу.

– Ты ее где, в Чернобыле, откопал?

– Если Чернобыль напротив дома, тогда там, – первый раз за все время он улыбнулся. – Что твой Иссерсон? Как пережил отсутствие благоверной?

– Нормально. Да и вообще это наше с ним личное дело.

– Коли так, тогда конечно, – досада разъедала его. – Значит, – он перевернул на другую сторону шкворчащий кусок говядины, – на карте, которая каким-то непостижимым образом оказалась в руках нашего клиента, отмечено место, где покоится казна Азиатской дивизии?

– Во всяком случае, на этом настаивает Хеллер. Когда он показал направление отхода барона из Забайкалья в Монголию, я переложила его на карту бурята. Точка, отмеченная на карте Ергонова, лежит прямо на пути отступления Унгерна. По версии Хеллера, золото зарыли в даурской степи в начале августа, примерно за пару недель до пленения барона.

– А с чего ты взяла, что казна спрятана в Даурии?

– За это говорят обе карты. Я прикинула, получается квадрат 22—17.

– Выглядит логично, и поет твой Хер, извини, Хеллер, складно. Допустим, все обстоит именно так, но речь не об этом. Теперь наша собака зарыта в другой степи. Клиент сузил задачу. Бурята интересует, куда подевались сокровища из монастыря Гандан и статуя Золотой Тары.

– Золотой Тары?! – оживленно переспросила Марина.

– Речь идет об изваянии богини Тары, женского воплощения Будды. Тара почитаема у бурят, монголов и тибетцев. Такую статую отлил из бронзы первый Богдо-хан Монголии, Леонардо да Винчи Востока, великий Дзанабадзар. А спустя годы один из его учеников, чье имя не сохранила история, повторил в золоте шедевр гениального учителя. Во всяком случае, так объяснил Ергонов, – повел плечами Чаров и посмотрел на Марину. Та слушала заинтересованно и не пыталась перебивать. – Правда, есть один маленький нюанс, – детектив многозначительно хмыкнул. – Золотая копия Тары раза в полтора превосходит в размерах бронзовый оригинал.

– Значит, клиент нацелился на золотую копию богини того безымянного мастера. Губа не дура! – взволнованно воскликнула женщина. – Но что за ирония судьбы! Ученик первого монгольского Богдо-хана изваял эту статую, а при последнем она бесследно исчезла. И очень скоро после этого события хутухта⁶ умирает. Любопытная штука получается. Своим исчезновением из Монголии Тара предрекла конец монгольским Богдо-ханам. Они лишились ее защиты. Ведь после смерти последнего хутухты новых Богдо-ханов не избирали! Вернее, выбирали, но не официально. Они не имели власти и жили в изгнании. Кстати, а тебе удалось напасть на след богини в Москве? – оставив исторические экскурсы, вернулась к теме Марина. – Хеллер предполагает...

⁶ Хутухта в переводе с монгольского означает святой. Наряду с гэгэном (светлый) второй священный титул главы монгольских буддистов.

– Да бог с ним, с твоим Хеллером! – начал закипать детектив. – Я и без него теперь знаю, что реквизированное в октябре 1921 года в одном из храмов Гандана золото, возможно это и было святилище Тары, вывезли в Верхнеудинск⁷, а потом в Москву.

– Не факт, что в Верхнеудинск. Столица ДВР к тому времени переехала в Читу, так что золото могли доставить и туда.

– Согласен, но это частности, – Чаров закурил. – Не исключено, что правительство Ленина обменяло на него продовольствие с целью предотвратить голодный бунт и сохранить власть в стране. Но пока это лишь догадки. Лучше скажи, сможем ли мы отыскать реальные доказательства, что ценности из монастыря, а главное – золотая статуя Тары, попали в Россию?

– Если мой дорогой поможет, мы обязательно найдем их, – усаживаясь к детективу на колени, с томной вкрадчивостью ответила женщина, и их губы сомкнулись...

⁷ Старое наименование Улан-Удэ.

Глава 2. Разорение дацана

Старший писарь Иссерсон, прикомандированный к 27-й конно-стрелковой дивизии Народно-революционной армии Дальневосточной республики, страдал от холода и дурных известий. Накинув на худые ссутуленные плечи сильно поношенную шинель, он угрюмо молчал, искоса наблюдая, как бойцы оседлывают коней. Настроение писарю испортил командующий. Вместо долгожданного возвращения после изнурительного похода по приграничным землям Русского Забайкалья на отдых в Верхнеудинск начдив товарищ Дягур приказал сопровождать эскадроны дивизии, выдвигавшиеся в направлении монгольской Урги, по ту сторону границы. Из обрывочных разговоров в штабе Самуил понял, что дело предстоит необычное. Начдив получил секретное указание военмина Блюхера незаметно подойти к ургинскому монастырю Гандан и произвести зачистку на предмет выявления засевших в дацане шпионов Унгерна. Иссерсон боялся барона как черт лаdana, и известие, что тот закончил свои дни в одиночной камере Новониколаевской тюрьмы, не успокаивало Самуила. Весть о его казни, раньше других дошедшая до ушей ушлого писаря, не принесла мира его растревоженной душе. Разрозненные отряды конных казаков как фантомы летали по степи, люто мстя красным за своего командира.

«Не все ли равно, – сетовал на судьбу Самуил, трясаясь в поскрипывавшей телеге и глядя с тоской на удалявшийся в утренней дымке лагерь, – попаду я в руки подручных барона или дикарей азиатов, как ни верти, конец един – пустят в расход, и точка! Да и какого рожна нас туда гнать, когда зачисткой монастыря могут заняться вошедшие в Ургу части экспедиционного корпуса комкора Гайлита?» – ворчал про себя информированный писарь, напряженно вглядываясь в темноту леса. Тем временем дорога, бывшая просека, прорубленная в тайге каторжанами еще в прошлом веке, петляла меж покрытых кустарником каменистых склонов и, обходя завалы из могучей, необъятной в объёме лиственницы, упрямо катилась к югу. Тайга постепенно редела, горы расступались, переходя в отложистые, долго тянувшиеся холмы. Задул резкий обжигающий ветер, и убегающая за горизонт буро-серая степь застыла в своем первозданном великолепии. Это была Монголия.

Отправляясь в поход, Самуил и представить себе не мог, что зачисткой монастыря Блюхер прикрывал истинную задачу дивизии.

– Когда войдешь в город, – наставлял он Дягура, – обложишь Гандан, дабы мышь не проползла!

– Ган...? – переспросил военмина смешавшийся начдив.

– Гандан, мать его! – со знанием дела авторитетно пояснил Блюхер.

Дягур вызывал у военмина симпатию, поэтому тот говорил с ним откровенно и без обиняков. Знание людей и богатый боевой опыт младшего унтер-офицера⁸ императорской армии, георгиевского кавалера⁹ и героя Гражданской войны безошибочно подсказывали Блюхеру, что дельный командир и отважный рубака Дягур справится со щекотливым заданием. То, что тот необразован и не очень далек, не слишком заботило его. «Коли ты не военспец, откель быть грамотным?» – рассуждал военный министр Дальневосточной республики и будущий советский маршал, имевший за плечами год церковно-приходской школы.

– Возьмешь в поход писаря Иссерсона, я его знаю, он малый не промах, чай что – подскажет, – не делая пауз, продолжал инструктаж военмин. – Допросишь тамошних монахов, как найти ламу Зам... Зам... Замдзина Боло, – с трудом выговорил записанное в блокнот диковинное для себя имя Блюхер.

⁸ Данные документально не подтверждены.

⁹ Блюхер был награжден Георгиевской медалью.

– Кого-кого? – кашлянул Дягур.

– Замдзина Боло, мать его распротак! Он настоящий того храма, где Унгерн спрятал золото, – в нетерпении повторил военмин, с отчаянным шелестом теребя бумагу. – Короче, – понизив голос и заговорщицки подмигивая, продолжал он, – по данным перебежчиков-монголов из разгромленной дивизии Унгерна, барон схоронил в дацане много ценностей и разных, как бы тебе объяснить, – в поисках подходящего слова он умолк на мгновение, – ну, проще говоря, всяких буржуйских цацек, – наконец вышел из положения Блюхер. – Вожди мирового пролетариата учат – «экспроприируй экспроприаторов». По-нашему, по-мужицки – грабь награбленное, – он задрал указательный палец и с пафосом произнес: – Взятое у народа должно быть возвращено народу. – Затем, выдержав паузу, с важностью изрек: – А теперь, слушай мой приказ. Тряханешь этого ламу... – он развернул брошенный на стол листок из блокнота и произнес имя настоятеля. – А коли этот Замдзин Боло взъерепенится и ценностей добровольно отдавать не пожелает, ты... – Блюхер кинул выразительный взгляд на Дягура, с красноречивой доходчивостью поглаживая выступавшую из-под белоснежного воротничка до синевы выбритую шею, – в общем, без золота не возвращайся! Задачу уяснил? – шмыгнув носом, грозно просипел он.

– Так точно, уяснил, товарищ военмин, – бодро отрапортовал Дягур. – Разрешите вопрос?

– Валяй, спрашивай, – ободряюще махнул рукой Блюхер.

– А ежели в том храме не окажется золота?

– А тогда, – глаза министра заледенели, – перетрясешь весь, мать его, Гандан и вывезешь золото, какое только найдешь!

Чувствуя, что Дягур его понимает, Блюхер вышел из-за стола и, подойдя вплотную к начдиву, едва слышно бросил:

– А чье это золото? Расстрелянной контры Унгерна, белогвардейской гадины Колчака, недобитка атамана Семенова или еще кого, не нам судить, – повернув голову в сторону портретов Ленина и Троцкого, подытожил он свою мысль.

У военмина были веские основания торопиться. Вчера поступило зашифрованное донесение из Урги, что новый командующий монгольской армией, этот политический аферюга, двадцативосьмилетний молодчик Сухэ неожиданно засобирался в Москву и уже покинул Монголию. «Жаловаться на меня вздумал, недомерок паршивый, сволочь узкоглазая», – дал волю вспыхнувшей злобе Блюхер. Он отлично помнил, что еще в Кяхте, на границе Русского Забайкалья и Монголии, где формировалось марионеточное монгольское правительство, азиатам пообещали отдать все трофеи, кои будут захвачены у Унгерна. Военные трофеи монголам возвратили, чин чинарем, а вот с золотом барона случился конфуз. Его попросту не нашли. Обыскивать дацан и тем самым навлекать на себя гнев благочестивых буддистов ни занявшие Ургу красные, ни будущий отец-основатель степного государства товарищ Сухэ не посмели¹⁰. К тому же достоверной информацией об истинном нахождении ценностей стороны не располагали. Ничего не дали и допросы начальника Азиатской дивизии. Унгерн наотрез отказался говорить. Не помог и приезд в Новониколаевск знатока гипноза и крупного специалиста по ведению допросов Сагилевича. При воспоминании о докторе лицо военмина приобрело раздражено-брезгливое выражение, чувство обиды вновь овладело им.

Известный с дореволюционных времен Владимир Сагилевич широко практиковал методы дознания, основанные на психотронном воздействии на человеческий мозг. С помощью этого метода из сознания находящегося в трансе человека принудительно изымались нужные сведения. После революции он продолжил исследования в Институте мозга в Петрограде

¹⁰ Гонения на лам обрушатся позже, когда в 1924 году умрет последний хутухта, а годом ранее, едва достигнув 30 лет, бранный мир оставит товарищ Сухэ.

под руководством своего учителя Бернарда Кажинского. Вскоре их деятельностью заинтересовалась ВЧК. Глеб Бокий, начальник спецотдела ОГПУ, принял на вооружение методику допросов Кажинского – Сагилевича. Отправляясь в инспекционную поездку в Сибирь, в связи с охватившими край крестьянскими волнениями, он взял с собой Сагилевича, решив, что тот будет ему полезен.

Допрос Унгерна специалисту не удался. Сработала психодуховная защита неведомых доктору буддийских практик, с которыми был прекрасно знаком барон. Сагилевич старался изо всех сил, вводил узника в транс, но, увы, тот говорил о чем угодно, только не о золоте, затем пускал слюни и тупо молчал, строя из себя сумасшедшего. Возиться с ним большевикам надоело, и по решению Сибирского бюро ЦК РКП (б) 15 сентября 1921 года Унгерна расстреляли.

«Да, не вышло у господина столичного фокусника, не вышло», – победно злорадствовал Блюхер, припоминая рассказ побывавшего на том допросе чекиста, когда якобы уснувший под гипнозом барон вдруг расвирепел и плюнул в растерянную физиономию доктора. «Лучше бы я допросил золотопогонную сволочь и узнал тайну золота! Не то что этот ученый слизняк!» – с удовольствием смаковал неудачу ВЧК Блюхер. Военмин не питал теплых чувств к ведомству железного Феликса и лелеял надежду избавиться от его ставленников в местных органах Госохраны, заменив их на доморощенные, преданные лично ему кадры.

Дягур подошел к Урге за полночь, решив войти в город монахов с восходом солнца. Когда рассвело и туман окутывал величественную гору Богдо-Ула, не спеша сбрасывать с ее древних плеч свой посеревший саван, эскадроны кавалерии переправились на противоположный берег Толы, едва не обрушив массивный бревенчатый мост, соединивший монашескую обитель с резиденцией хутухты. Конные красноармейцы в одночасье запрудили пространство священного Да-Хурээ, тогда как Дягур во главе десятка всадников поскакал вперед.

Резкие отрывистые команды, топот копыт и поднявшаяся от движения войска буро-желтая пыль привнесли в размеренную жизнь монастыря суету и беспокойство. Столпившиеся возле храма монахи не ожидали ничего хорошего от визита иностранного воинства. Кидая опасливые взоры на остроконечные краснозвездные буденовки затянутых в шинели верховых, напуганные ламы шепотом переговаривались и инстинктивно вжимались в самые стены дацана. Покрашенные в черные и белые цвета, как по мановению волшебной палочки, они стали шафрановыми из-за монашеских одеяний. Предупрежденный ламами Замдзин Боло первым вышел к Дягуру и приветствовал гостя.

– Ты по-ихнему шпрехаешь? – толкнул локтем Самуила начдив.

– Не-а, но вот тот монах по-нашему понимает, – писарь указал на молодого послушника, стоявшего позади настоятеля.

– Тогда дело сладим, – вполголоса отозвался Дягур и приблизился к ламе.

– Ваше высокопреподобие! – как к православному архимандриту обратился он к Замдзину Боло. – Ваше преосвященство! Владыко! – рукоположив ламу в сан епископа, начдив продолжил. – От имени правительства Дальневосточной республики довожу до вашего сведения, что белогвардейский барон Унгерн схвачен и расстрелян. Нашему правительству известно, что вышеупомянутый Унгерн оставил здесь ценности, награбленные у трудового народа, – Дягур замолчал, чтобы молодой монах успел перевести. – Предлагаю в добровольном порядке передать мне, командиру Народно-революционной армии Дальневосточной республики начдиву Дягуру, хранящееся у вас золото. В случае отказа имею полномочия обыскать дацан и изъять находящиеся в нем сокровища, – закончил он и посмотрел на писаря.

Тот одобрительно закивал, показывая глазами на ламу. Послушник еще переводил, и Дягур, переминаясь с ноги на ногу, силился увидеть на изборожденном морщинами лице настоятеля результат воздействия своих слов. К его разочарованию лицо настоятеля ничего не выражало, оставаясь умиротворенно-спокойным. Наконец его губы зашевелились.

– Досточтимый Замдзин Боло приглашает господина красного командира пройти в дацан для дружеской беседы, – перевел молодой монах. Дягур пожал плечами и сделал знак Самуилу следовать за ним. Храмовое убранство поразило его. Ему не раз доводилось видеть бурятские храмы с их вогнутыми крышами, скульптурами священных животных и многочисленными барабанами хурдэ, в которых верующие оставляли молитвы, но побывать внутри, в самом святилище, так и не пришлось.

Богородяновенная статуя Тары, казалось, испускала неземной свет. Ее лицо было погружено в отрешенное созерцание. Юная богиня восседала на лотосовом троне, ее правая нога была чуть приспущена, а покоившаяся на колене рука удерживала стебель цветущей утпалы. Другой стебель с еще не раскрывшимся бутонем был зажат пальцами левой руки богини. Пятилепестковая диадема венчала голову Тары, а убранные узлом волосы обвивались рядами жемчужных нитей с цветами и гирляндами. Законченной формы груди были открыты, стройные бедра богини облегалo невесомое дхоти¹¹. Непривычная для европейского уха музыка, звучащая в храме, сопровождалась позвякиванием молитвенных колокольчиков хонхо и горловыми песнопениями лам.

– Ом Таре Туттаре Туре Соха, – методично тянули монахи воспевающую богиню мантру. Высокие голоса сменяли низкие; глубокие протяжные звуки, изливавшиеся из длинных труб, сопровождалась мелкой дробью барабанов, смешанной с мелодией цимбал и надрывным воем морских раковин. Фимиам курившихся благовоний одурманивал, заставляя забыть о мирском и предаться созерцанию...

– Верует ли красный командир в Бога? – задав такой необычный для буддиста вопрос, настоятель вывел из сокровенного забвения Дягура. Начдив смутился. Он еще не пришел в себя от увиденного и, пребывая в легком трансе, пробурчал сквозь зубы нечто невразумительное. Толмач только развел руками. Старик повторил вопрос, и Дягуру ничего не оставалось, как признать себя атеистом. Эта ложь далась ему с трудом, слова застревали в горле, будто кто-то клещами вытаскивал их. Не будь рядом писаря, он, быть может, ответил иначе, но в присутствии Самуила не осмелился сказать ламе правду. Повторив прославляющую Тару мантру, Замдзин Боло изрек:

– Все, что находится в храме, принадлежит Богу. Забирая у Бога, ты навлекаешь на себя неисчислимые несчастья и горести. И неважно, веруешь ли ты или нет. Колесо сансары овладеет тобой, и не разорвать тебе цепи перерождений! Хитроумный лама категорически не хотел отдавать сокровища и решил перейти на язык, понятный незваному пришельцу. А то, что его слова, мягко говоря, не совсем отвечают воззрениям буддизма, в данный момент не заботило настоятеля.

Когда до Дягура дошел смысл мрачного пророчества Замдзина Боло, он поднял голову и произнес глухим надтреснутым голосом:

– Как обычный человек, я понимаю, что сказал мне досточтимый. Но как красный командир, связанный присягой и долгом перед народом, должен выполнить приказ моего правительства.

Монах еще не закончил переводить, как Замдзин Боло властным жестом остановил его.

– Храбрый воин Будды, благородный Унгерн отвоевал у нечестивых китайцев награбленные в наших храмах сокровища и отдал их под покровительство милосердной Тары. Ты же, бряцая оружием, хочешь вновь покуситься на наши реликвии и святыни, – слово в слово перевел ответ ламы послушник.

Дягур колебался. «Ежели старик не отдаст золото по-хорошему, беспорядков не избежать. В дивизии полно бурят, и бог знает, как они поведут, когда придется применить силу.

¹¹ Кусок ткани, не покрывающий верхнюю часть тела.

А коли бунт приключится? Да еще на глазах бдительных товарищей из московского ЧК, будь они неладны! Свалились на мою голову, контролеры хреновы!» – сетовал на судьбу начдив.

Перед рейдом на Гандан в дивизию влился отряд латышских стрелков, призванных сопровождать ценный груз до Верхнеудинска. Их командир товарищ Мартенс весь поход проявлял нетерпение и, щеголяя подписанным самим Дзержинским мандатом, требовал от Дягура решительных и беспощадных действий. «Лам повесить, а храм сжечь к чертовой бабушке!» – надоедал начдиву латыш идиотскими советами. Мартенс неспроста появился у Дягура. Перед этим он успел побывать в Новониколаевской тюрьме, где навестил Унгерна и попробовал допросить его, но, подобно Сагилевичу, потерпел неудачу. После расстрела барона упертый комиссар с санкции Дзержинского отправился к Блюхеру, дабы на месте разузнать о золоте. В ответ военмин включил его людей в дивизию Дягура. Ссориться с Дзержинским он не посмел.

– К рассвету золото должно быть погружено на подводы, – твердо заявил Дягур, поставив точку в тягостном, начинавшем утомлять его споре и, не дожидаясь ответа Замдзина Боло, вышел из дацана. Самуил чуть замешкался и, как того требовал буддийский обряд, окропил святой водой голову, а перед тем, пока шли пререкания начдива с настоятелем, умудрился выпросить у закончивших петь монахов нательный оберег зандя.

Наступил вечер, и ламы начали сносить золото. Безмолвно вытаскивая обитые железом ящики, они ставили их рядами перед дверьми храма и, не поднимая глаз, скрывались в глубине. Рваными желто-красными клочьями по небу растекалась заря. Внезапными одиночными порывами ветер рассыпал в воздухе сухую песчаную пыль, от которой чесались глаза и краснели веки. Не меньше людей страдали норовистые бурятские лошади. Они нервно поводили ноздрями и громко отфыркивались. Один Мартенс не чувствовал неудобств. Одетый в черную кожанку и генеральские галифе, он вальяжно разгуливал промеж ящиков и, размахивая маузером, грязно сквернословил. Стоявший в отдалении Дягур выглядел безучастным наблюдателем и с внешним равнодушием взирал на суетливую возню перед дацаном.

На самом деле творившееся на его глазах унижение монастыря было не по душе начдиву. Он еще мог понять бескровное изъятие добровольно отданных ценностей, но когда люди Мартенса, заполнив золотом подводы, яростно заработали прикладами, отгесняя от дверей храма почувствовавших неладное лам, он вскочил на коня и поскакал навстречу волновавшимся эскадронам. Проклятия и мольбы несчастных монахов неслись ему вслед. Опасаясь бунта бурятов, он снял осаду и отвел конников подальше от дацана. Чекисты же возомнили себя хозяевами положения и, посчитав, что настоятель утаил часть золота, ворвались внутрь.

Сбросив на пол статую Тары и выволочив изваяние наружу, они принялись глумиться над поверженной богиней на глазах у застывших от ужаса монахов. Окружив опрокинутую на спину и лежавшую на земле Тару, латыши мерзко улюлюкали, отпуская скабрзные шутки и замечания. Этого им показалось мало, и все дружно помочились на статую, оглашая округу дурным гоготом. Затем настал черед алтаря. Обезумев от собственной вырвавшейся на свободу дикости, с животным восторгом раздухарившегося быдла, чекисты срывали со стен сотканную золотыми нитями драпировку. Разрывая ткань на куски, они заворачивались в ее лоскутья и, кривляясь друг перед другом, представляли, как облагодетельствуют своих женщин.

С грохотом опрокидывая жертвенные столы, они с хрустом выламывали резные, черного дерева ножки из столешниц, после чего разбивали прикладами вековой палисандр и выковыривали штыками драгоценные камни инкрустаций. Тащили все, что попадалось под руку и куда падал алчущий взгляд. Даже оловянные фигурки маленьких Будд, в горячке грабежа принятые за золотые, не избежали злой участи и все до одной были украдены. От полного разорения храм спас Дягур, подоспевший со взводом верных бойцов и стрельбой в воздух утихомиривший потерявших разум чекистов. Спустя час, с растянувшимся на добрую версту обозом, отряд выступил из монастыря.

Глава 3. Архивные изыскания и политические расклады

И все-таки она не зря потратила время, вдыхая бумажную пыль Центрального архива ФСБ. С трудом справляясь с охватившей ее радостью, Марина вчитывалась в донесение начдива Дягура об успешной доставке частями его дивизии драгоценного груза в Верхнеудинск. Дягур ждал дальнейших указаний и просил Блюхера приехать в старую столицу Забайкалья и принять реквизированное золото. Далее начдив сообщал о кровавой стычке с конным отрядом белогвардейцев полковника Кабардина и гибели латышских стрелков с комиссаром Мартенсом во главе, а также потере одной подводой. Это были те неопровержимые доказательства, о которых спрашивал Георгий. За исключением одного «но». Если на потерянной подводе не находилась золотая статуя Тары.

Как снег на голову Ергонов объявился в офисе у Чарова. «Вижу, вы настоящий профи в своем деле», – заявил Бадма, выслушав обстоятельный доклад детектива. При этом застенчивое лицо могучего вида бурята светилось белозубой, слегка лукавой улыбкой.

Несомненно, этот человек говорил на порядок меньше, чем знал. Впрочем, и сам Чаров был тертый калач в ремесле сыска и к моменту встречи с клиентом успел собрать досье на загадочный фонд Дхармахара и его учредителей. Прикрываясь религиозно-просветительской деятельностью, фонд тайно спонсировал тибетских сепаратистов, выступающих за отделение Тибетского автономного района от Китая и провозглашение теократического буддийского государства с Далай-ламой на троне. Донорами фонда выступали частные лица, неправительственные организации и богатые бизнесмены – в основном, уроженцы Индии. Вся практическую работу организации курировал буддийский совет, состоявший из высоких тибетских лам.

Упоминание об одном из них, яром ненавистнике идей Мао и враге коммунистического Китая ламе Олле Чаров обнаружил в отчете непальских спецслужб, чудесным образом попавшем в поле зрения российской СВР. Детектив прекрасно помнил тот документ, с которым его ознакомил по старой дружбе генерал Петелин пару недель назад. До приторности услужливые контрразведчики гималайского королевства предупреждали китайских коллег, что интересующее их лицо покинуло Катманду и со дня на день пересечет границу Тибета. А это значит, в скором времени жди заварухи. Петелин так и сказал ему:

– Этот лама Олле что-то затевает в Лхасе. Не удивлюсь, что он связан с твоим бурятским клиентом и заказ отыскать Золотую Тару исходит от него.

– Но насколько я понял, он хочет найти статую и водворить ее на прежнее место, в один из храмов монастыря Гандан в Улан-Баторе, – засомневался Чаров.

– Свежо предание! – с нарочитым сарказмом пробурчал Петелин. – Лучше потолкуй на сей счет со своей американской знакомой! Уверен, она многое знает! – неожиданно развернул ход беседы генерал.

Знакомая детектива, как все окрестил кадровую разведчицу ЦРУ Джудит Картрайт Петелин, весной 1999 года находилась в Белграде в разгар военной операции НАТО против Югославии. В это же время с секретным заданием российской разведки туда прибыл Чаров и волею случая вышел на Джудит. Судьба затянула тогда их обоих в эпицентр шпионской интриги, развернувшейся вокруг золотовалютного резерва этой страны.

– Есть информация, – с наслаждением затягиваясь сигаретой, доверительно произнес Петелин, – что в ЦРУ готовят крупномасштабную акцию по дестабилизации обстановки в Тибетском автономном районе. Мощный самостоятельный Китай пугает Белый дом, и там не прочь дать под дых китаезам накануне Пекинской Олимпиады, а заодно проверить на проч-

ность нынешний китайский режим. Поговаривают, что в верхах Поднебесной нет единства, хотя эти заоблачные сферы не про нашу с тобой честь, – не стал витать в политических эмпиреях Петелин. – Короче, повторюсь. Приснопамятный фонд Дхармахара сыграет не последнюю скрипку в предстоящей пьесе, – он ткнул пальцем в бумаги, которые просматривал Чаров.

– Значит, Джудит сейчас не в Лэнгли?!

– Давно в Непале! И вслед за ламой Олле скоро объявится в Лхасе, – самодовольно улыбнулся он, выдыхая очередную порцию дыма.

– Вы всерьез полагаете, что исповедующие буддизм тибетцы примут участие в мятеже? – с нескрываемым сомнением проронил Чаров, неодобрительно косясь на сигарету. После операции аортокоронарного шунтирования врачи запретили генералу курить, но он делал себе поблажку и украдкой выкуривал одну-две сигареты в день.

– Да, Гоша, полагаю. А у тебя другое мнение?

– В известной степени.

– Тогда выкладывай! Обсудим проблему вместе, как в старые добрые времена, – поощрил он его, намекая на совместную работу в Конторе. Старик все еще злился и не мог простить Чарову его ухода из органов.

– Интересно посмотреть, – осторожно начал развивать свой тезис детектив, – на поведение буддистов, когда они вживую столкнутся с жестким отпором китайских властей. Буддизм – мирная религия, и в комплекс сознания его адептов не входит вооруженное или даже обычное сопротивление. А здесь они будут вынуждены подняться с оружием в руках против правящего китайского режима. Массовое насилие станет неизбежным. Прольется кровь, много крови, а это слабо сочетается с доктринальными воззрениями буддизма.

– Все это так, Георгий, – сумрачно вздохнул генерал и потянулся за новой сигаретой. – Не забывай, 2007 год на дворе. Буддизм уже не тот, что прежде. Приходят новые лидеры, исповедующие адекватные времени подходы. Религия приспособливается к современным реалиям, дружище. Возникли организации, выступающие за насильственное свержение китайской власти в Тибете. Определенные шаги в этом плане исходят и из Индии, неофициально, естественно. Так что, поверь мне на слово, я знаю, о чем говорю.

Чаров тогда не согласился с генералом, но возражать старику не стал, и они расстались друзьями. Однако тот разговор заставил его присмотреться к Бадме. «Раз в операции участвует Джудит, в деле скрыта и другая, напрямую не связанная с политикой, подоплека. И с чьей подачи уважаемые буддисты вышли на мое скромное агентство?» – он поднял глаза на сидевшего в его кабинете бурята, и их взгляды встретились.

– Удачно начав расследование, вы доведете его до логического конца, теперь я уверен в этом, – голос Ергонова прервал размышления детектива. – Работайте без оглядки на расходы, – с пафосной важностью вымолвил он. – Верните нам Золотую Тару, и сангха не забудет вас! – завершил напутствия Бадма, подкрепив их внушительной пачкой банкнот, тотчас исчезнувшей в необъятных просторах Чаровского сейфа.

Глава 4. Закравшиеся подозрения

На встречу с Генрихом Вайсом, немецким аукционистом и собирателем древностей, Матвей ехал в хорошем расположении духа. Всю дорогу он шутил и отвлекал разговорами водителя. Цветочный бизнес приносил солидный доход и позволил осуществить его заветную мечту – посвятить досуг коллекционированию. Традиционные предметы старины типа картин, мебели, часов, канделябров или редких книг не волновали его. Древние языческие культы и связанная с ними атрибутика – вот что стало подлинной страстью Матвея. Каменные и деревянные идолы, фигурки и изваяния древних сибирских богов из кости мамонта эпохи мезозоя взирали на вас из всех углов просторной квартиры Иссерсона, тогда как неисчислимое количество всевозможных масок, пугающих своим звериным оскалом гостей и знакомых, заполнили стены его жилища и теперь свисали даже с потолка супружеской спальни.

Среди них находились артефакты из Шигирского торфяника на Урале, составлявшие предмет особой гордости Матвея. Когда собрание настолько разрослось, что грозило поглотить ванную с коридором, он решил, что пришла пора перевезти коллекцию в недавно отстроенный загородный дом, а от части «хлама» избавиться. Упорядочить собрание и продать дорогостоящий «хлам» ему помогал русский немец Вайс, выставляющий на аукционе безделушки Матвея.

Едва завидев в холле гостиницы высокую грузную фигуру, Вайс поспешил двинуться навстречу.

– Рад тебя видеть, дружище, – крепко пожимая руку, произнес он.

– Взаимно, Генрих. Как долетел?

– Без проблем. Где поговорим? – живо поинтересовался аукционист намерениями партнера. Бывший волгадойч, перебравшийся в Германию еще в девяностых, не терял связей с Россией и частенько навещал Москву. Иссерсона он знал еще с детства и не упускал шанса увидеться с ним.

– Поехали ко мне, покажу кое-что веселенькое!

– С превеликим удовольствием! – предчувствуя удачу, с воодушевлением подхватился Вайс.

– Ты знаешь, о чем меня попросил сегодня утром твой муж, когда заезжал сюда? – остановил вопросом Марину детектив на пороге офиса.

– И о чем же? – беззаботно отозвалась женщина, с комфортом устраиваясь в кресле и закуривая.

– Поручил следить за тобой, а заодно выяснить, зачем летала в Брюссель. Причем про Брюссель он выдал по телефону, за пару минут до твоего прихода. И голос у него был какой-то недобрый.

– Да-а-а! – ошарашено протянула она, бросив недокуренную сигарету в малахитовую пепельницу.

– Вот тебе и «да»! – с едким сарказмом передразнил ее Чаров. – Ладно, чего уж! Теперь нужно думать, как выкручиваться будем, – перешел на конструктивный лад Георгий. – Больше в офис не приезжай. То, что он отдал тебя мне, конечно, хорошо, но пока ровно ничего не значит. Кто поручится, что он не нанял еще кого-нибудь следить за тобой, а может и за нами обоими? Так что визиты сюда придется отменить. Встречаться будем на нейтральной территории, я сам придумаю где. А сейчас надо понять, что он о нас знает и почему так заинтересовался поездкой в Бельгию. Что ты ему говорила?

– Да ничего особенного! – недоуменно пожала плечами женщина. – Сказала, что ездила в Брюссель прошвырнуться. Дескать, везде в Европе была, а туда смотаться бог часа не дал. В общем, что-то в таком духе брякнула.

– Ну, а он? – вскинул брови детектив.

– Хмыкнул, как всегда, да умотал с утра пораньше. А ночью даже не приставал, – с неприкрытым вызовом проронила она.

– Да-а-а? – в свою очередь растерянно отозвался задетый за живое Чаров. Ее реплика полоснула его как бритва. Таившаяся в глубинах души ревность едва не прорвалась наружу, но он сдержался. – Значит, точно подозревает, – задумчиво проронил он. Делить Марину с мужем становилось все тяжелей, порой невыносимо, но в эту минуту детектив думал о ее безопасности. Если Матвей узнает правду, беды не миновать

Просьба узнать, что за неотложные дела образовались у Марины в Брюсселе, имела под собой основания и была не случайна. На этот шаг его подтолкнула беседа с Вайсом. После того как приятели душевно поужинали и немец оценил предметы, которые гостеприимный хозяин хотел выставить на ближайших торгах, у них состоялся примечательный разговор.

– И вот еще что, Матвей, – проронил аукционист, неторопливо бросая кубики льда в мартины. – На днях я получил одно странное предложение, скорее предостережение, которое хочу обсудить с тобой. Есть в нем что-то угрожающее, мистическое, а вот что именно, не могу взять в толк.

– А что тебя конкретно смущает? – с легким нетерпением спросил Иссерсон, нарезая дыню.

– Да так, в общем, долго рассказывать... – замялся делано Вайс.

– А мы не спешим. Охранник отвезет тебя в гостиницу, так что давай, начинай с главного, – подбодрил он партнера.

– Действительно, все это весьма странно, – Матвей отставил пустую тарелку и, вытерев о салфетку руки, пригубил ледяного, прямо из ведерка, шампанского.

Рассказ немца озадачил его. То, что некое религиозное общество попросило Генриха не выставлять на торги статую Золотой Тары, некогда пропавшую из буддийского храма, если вдруг она у него окажется, не особо взволновало его. А вот факт, что пресловутая реликвия в начале двадцатых находилась в руках барона Унгерна, против отрядов которого воевал его дед, заинтриговал необычайно. На ум сразу пришли дедовские байки о его военной молодости, службе в Забайкалье под началом Блюхера и загадочном золоте буддийских лам. Матвею едва стукнуло двенадцать, когда Самуил умер, но он хорошо помнил эти истории.

«Когда подрастешь, Мотя, – так дед называл его, – прогляди мои старые бумаги, что в желтом портфеле на антресолях. Кто знает, вдруг они сгодятся тебе», – тяжело побряхтывал Самуил, с обожанием глядя на внука. Прошли годы, Матвей вырос и с головой окунулся в бизнес. О дедовском наказе он не вспоминал. Портфель пылился в родительской квартире на Сушевке, где тихо коротала однообразные дни его пожилая мать. «Пожалуй, настало время заглянуть в дедулин портфельчик, вон как жизнь поворачивается!» – здраво рассудил он, глядя на Вайса потеплевшим взглядом.

– Ты уверен, что вся эта возня с Тарой не фуфлю собачье? И с чего они взяли, что статуя окажется у тебя? – резонно поинтересовался Матвей.

– Люди эти очень серьезные, – постарался развеять сомнения партнера аукционист. – Поверь мне, старой шлюхе, такие порожняк гнать не будут. А что касается их предположений насчет реализации изваяния через меня, мыслей особых нет. Разве что наша фирма известна в Германии, и новые хозяева куколки могут обратиться ко мне.

– Логично, – озадаченно протянул Иссерсон.

– К тому же я проконсультировался у одного ученого историка. Ради этого даже в Брюссель смотался.

– В Брюссель?! – Матвей аж подпрыгнул на месте.

– А что ты так паришься? Там живет этот напыщенный индюк, крупный спец по Монголии. Он все подтвердил. Было и золото, и золотая статуя, только осенью 1921 года изваяние бесследно исчезло. Кстати, ученый муж проговорился, что буквально за неделю до меня к нему наведалась некая украинская журналистка, пишущая на темы кладоискательства. Дама очень интересовалась золотом Унгерна. Этот лох профессор принял все за чистую монету, но я в подобные сказки не верю. Похоже, кто-то активно ищет пропавшие сокровища барона, а может, и саму куколку.

При этих словах Генриха глаза Матвея лихорадочно заблестели.

– Как выглядела та журналистка, твой историк, случаем, не говорил?

– Не говорил, да я спросил! – с самодовольным видом он отхлебнул мартины. – Миловидная интересная женщина лет тридцати пяти. Хеллер от нее в восторге.

– Генрих, дружище, – нервно сглатывая слюну, глухо пробормотал Иссерсон. – А ты не мог бы еще раз навестить профессора и так, мимоходом, показать ему одну фотографию.

Он отправился в кабинет и принес фото Марины.

– Да-да, не удивляйся, это моя жена, – упредил вопрос Вайса Матвей. – Она тоже была в Брюсселе неделю назад и с кем-то встречалась. Ты же знаешь, что Марина повернута на кладоискательстве. Причем занимается этим втайне от меня, сучка... – в сердцах ругнулся он. – В общем, не в службу, а в дружбу, покажи ее очаровательную мордашку под любым, каким сочтешь удобным, предлогом. И если он ее опознает, поверь, одной проблемой у нас будет меньше. А что до твоей просьбы, конечно, если вдруг я набреду на след этой статуи, я дам тебе знать. Кстати, буддисты озвучили сумму, которую они заплатят, если Тара и вправду окажется у тебя?

– Цифру не называли, но дали понять, что в убытке не останусь, и очень не советовали выставлять куколку на открытых торгах, – в глазах аукциониста светилось неподдельное беспокойство.

– Не советовали! Да кто они такие, чтоб советовать! Обезьяны недоделанные!

Приступ злобного возбуждения овладел Матвеем. Дернув за ворот рубахи, так, что посыпались пуговицы, он схватил бутылку и в несколько глотков прикончил ее.

– Извини, нервы. Короче, ты понял. Узнай, была ли Марина у профессора. А что касается куколки, то как экспонат коллекции она меня не интересует, и если я ее обнаружу, мы выставим Тару на торги, произведем фурор и загребем конкретного бабла! Твои малохолльные буддисты столько не отвалят! Что скажешь, дружище?

– Хорошо, Матвей, поживем – увидим, – ушел от прямого ответа встревоженный Вайс, отправляя во внутренний карман пиджака фотографию Марины. Такого сюрприза он явно не ожидал и по пути в гостиницу пребывал в растрепанных чувствах.

Глава 5. Засада у оврагов

Дягур узнал о смерти Мартенса от прискакавшего на взмыленной лошади вестового. Утирая раскрасневшееся лицо, тот донес, что замыкавший обоз эскадрон и охранявший подводы отряд латышей угодили в засаду и ведут неравный бой с белогвардейцами. Быстро перестроившись, начдив поспешил на подмогу своему арьергарду.

Белые появились неожиданно. В легких сумерках, незаметно подобравшись по глубоким оврагам на расстояние ружейного выстрела, стремительным броском они смяли конников Дягура и почти в упор расстреляли застигнутых врасплох, не ожидавших нападения и больше думающих о своих трофеях чекистов. Замысел полковника Кабардина был дерзок и прост. Внезапным ударом уничтожить охранение обоза, отсечь золотые подводы от главных сил красных и завязать с ними бой. Пока брошенные на верную гибель казаки будут биться с красными, сдерживая до последней возможности наступательный порыв их превосходящих сил, оставшая часть его отряда, состоявшая из быстроногой бурятской конницы, на предельной скорости угонит захваченные подводы в степь.

Дягур разгадал план полковника. Используя численное превосходство, он развернул вытянувшиеся в долине Толы длинной кишкой части дивизии и, разделив свое войско, обрушился с флангов на казаков Кабардина. Другая часть его кавалерии глубоким охватом взяла в клещи не успевшую далеко уйти конницу белых. К этому времени казаки истребили конвойный отряд Мартенса и методично добивали прицельными выстрелами горстку спешившихся и укрывшихся за фуражными телегами красноармейцев. С шашками наголо, пустив лошадей в галоп, кавалеристы Дягура с устрашающим гиканьем врзались в сильно нарушенные порядки белогвардейцев. Казаки рубились отчаянно и, не считаясь с потерями, наносили страшный уронседающим конникам красных.

Медленно отступая, они оставляли в жухлом сухом ковыле трупы людей и животных. Зажатые в клещи и теснимые эскадронами Дягура, буряты Кабардина потеряли половину своей скорости из-за тяжело нагруженных, туго катившихся подвод. Не выдерживая сумасшедшей езды, оси телег ломались, кузова опрокидывались, оставляя в степи пудовые сундуки. От сильного удара один из ящиков встал на попа и раскрылся. Золото усеяло землю. Завороженные его блеском и напрочь забыв о приказе начальства бросать сломавшиеся подводы и немедленно уходить в степь, казаки спешили и, как помешанные, принялись лихорадочно набивать слитками одежду, засовывать золото в сапоги и прятать за пазуху. Через минуту все они были изрублены налетевшими верховыми Дягура. Имея приказ начдива пленных не брать, не зная ни пощады, ни жалости, они добивали раненых и, распиная конскими копытами истекавших кровью казаков, неумолимо приближались к брошенным подводам. Перед угрозой полного разгрома белые бросили их и, помолвившись Богу, обратились в бегство. Не желая еще больших потерь, Дягур не стал преследовать рассыпавшихся по широкой долине конников. В тридцать седьмом он крепко пожалеет об этом, а пока не досчитается одной подводы, о чем честно доложит Блюхеру. Обогрив кровью сотен людей золото, разбросанное по телегам, ящикам и мятой побуревшей траве, равнодушно ожидало очередного хозяина...

– Как вышло, что Кабардин выследил тебя? – требовал разъяснений прибывший в Верхнеуединск Блюхер.

– Думаю, нехристи-монахи, язви их душу мать, известили полковника, товарищ военмин. Или... – Дягур остановился, в смущении поглядывая на Блюхера.

– Или у меня в штабе завелся белогвардейский шпик, – досказал за него Блюхер.

– Не прошли мы и семи верст, – пропустив мимо ушей реплику начальства, продолжал свой рассказ Дягур, – как откуда ни возьмись чертов беляк налетел. Причем знал ведь, мразь

золотопогонная, где мы сомкнемся в колонну. Ударил, подлец, с расчетом, точнехонько в хвост, то бишь по обозу. В том самом месте, – он склонился над картой и сделал помету карандашом, – на долгие версты, прямо по фронту, между руслом Толы и лесистыми кряжами, – напряженно вглядывался и водил по карте пальцем Дягур, пытаясь отыскать нужное название.

– Разумеешь, отроги Хэнтейского хребта? – пришел на помощь Блюхер.

– Да-да, яво самого, – благодарно кивнув, поправился Дягур. – Так вот, в том самом месте промеж холмов и рекой идут сплошняком овраги, местами дже глубокие. Мне и пришлось перестроиться, дабы ужом проползти промеж них. Кабардин-то, видать, в оврагах загодя засел, конницу в них запрятал, ну а опосля, когда мои ребятки овраги проскочили, как из-под земли по обозу-то и вдарил. Туда-то шли налегке, овраги пролетели и не заметили, а обратно совсем другой коленик, телеги груженные... – неуклюже оправдывался Дягур.

– Добре, начдив, добре! Ты все сделал правильно, и ежели не дурасть латышской сволочи Мартенса, все бы обернулось в лучшем виде. И лам не тронули б, да и с Кабардиным може разминулись. Что подводу одну потерял – вот это хуже, а насчет чекистов даже не думай. Сами напросились. Кстати, в той подводе сколько ящичков было, как думаешь?

– Нисколько.

– Не понял?! – заметно посуровел Блюхер.

– В ту подводу чекисты ихнего Бога положили, когда храм разорали. Какие уж тут еще ящички! – объяснял неприятное происшествие Дягур.

– Хм. Нешто выходит, золото вообще не пропадало, так начдив?

– Выходит так, – подтвердил он выгодный для себя вывод военмина. О пропаже нескольких слитков из открывшегося ящичка начдив решил умолчать. Вдруг еще найдутся! Подозреваемые в их хищении красноармейцы были пойманы и содержались под стражей. Дягур собирався их лично допросить этой ночью.

Блюхер тоже не стал упоминать в телеграмме в Москву о злополучной подводе, раз все золото было цело. «Сложилось дже справно, что фигуры нет, – позабыв о стоявшем навытяжку подчиненном, размышлял военмин. – Меньше разговоров будет, да и мне отчитываться не надо. А все из-за этого черта лысого Мартенса, чуть под монастырь не подвел! А вот с товарищем Дзержинским разговор предстоит тяжелый, он погибель своего любимчика вкупе с латышами мне не простит», – как от зубной боли поморщился военмин.

– Мыслишь, Кабардина монахи предупредили? – вспомнив о начдиве, спросил Блюхер.

– Больше некому, товарищ военмин!

Подобный ответ как нельзя устраивал его. Обнародовать факт возможного присутствия шпионов в собственном штабе явно не улыбалось. Дягуру же не хотелось, чтобы в донесениях в Москву всплывала отбитая белыми подвода. Он понял, что Блюхеру важно, что именно ламы предупредили Кабардина, и теперь горой стоял за эту версию.

Реальность, однако, была иной. Полковника предупредили англичане с помощью своего человека, внедренного в штаб Блюхера. Перекочевав после падения Колчака из Сибири на Дальний Восток, они пристально следили за тем, что происходит на отдаленных рубежах рухнувшей империи, вынашивая планы отхватить кусок пожирнее. Дальневосточная республика занимала в их расчетах не последнее место. Прочно обосновавшись в китайском Харбине, британская разведка работала во Владивостоке, опутала шпионской сетью Маньчжурью, Северо-Восточный Китай, Монголию и, разумеется, Забайкалье, успешно конкурируя там с агентствами Японии и США.

Едва части Дягура двинулись на Гандан, британский агент в Чите голубиной почтой сообщил об этом в Ургу, где англичане держали резидентуру. В расположение отряда Кабардина был послан гонец, и когда Дягур выходил из монастыря, полковник поджидал его у оврагов.

Глава 6. Рискованная связь

Вайс выполнил поручение Матвея и посетил Хеллера. Пришлось, правда, затеять небольшой маскарад с париком и наложением на лицо артистического грима, но все прошло гладко. Ученый муж не усомнился, что перед ним служитель европейской Фемиды, заинтересовавшийся подозрительной украинкой, не имевшей ничего общего с журналистикой. Профессор опознал на фото Марину, о чем аукционист незамедлительно сообщил Матвею. Тот принял известие спокойно, вежливо поблагодарил и пообещал держать партнера в курсе событий.

На самом деле новость потрясла его. Вспомнив обрывки разговоров жены по телефону, ее постоянные недомолвки, непонятные отлучки и прочие настораживающие факты, он пришел к выводу, что Марина, всеми правдами и неправдами, добилась своего и влезла в расследования агентства. Теперь предстояло установить, кто вышел на Чарова и поручил ему отыскать сокровища и какова, наконец, истинная природа их отношений. Ужасные подозрения закрались в душу Матвея, и он хотел немедленно разрешить их. «Смотаюсь к Георгию в офис, посмотрю ему в глаза, а потом решу, что делать. Безвыходных ситуаций не бывает, есть растерявшиеся люди», – подбадривал себя он, шагая к машине. Детектив смутился его внезапным визитом, но за считанные секунды собрался и встретил неожиданного гостя с распростертыми объятиями.

– Чай, кофе или...? – предложил радушный хозяин, кидая выразительные взгляды в сторону бара.

– Или, – после взаимных приветствий сухо бросил запыхавшийся Иссерсон, шумно плюхаясь в кресло и подкатывая к себе накрытый к чаю сервировочный столик. – Я, наверное, помешал, ждешь посетителей? – кивая на пару чашек и вазочку с курабье – любимым печеньем жены, – полюбопытствовал он.

– Не беспокойся, мы успеем поговорить, – заверил Чаров, украдкой поглядывая в окно и выставляя на стол коньяк с рюмками. С минуты на минуту сюда должна приехать Марина. Несмотря на запрет появляться в офисе, она настояла на встрече, дав обещание, что это будет в последний-распоследний раз и больше ее ноги здесь не будет. «Авось пронесет, и она опоздает», – усаживаясь против Матвея, успокаивал себя Чаров, чувствуя учащенное биение сердца.

– Чем обрадуешь? – приговорив рюмку и надломив печенье, сверлил глазами своего визави Матвей.

– Конкретных фактов пока нет, – лихорадочно соображая, что сказать, ломал голову Георгий, наливая по новой.

– Ну, а все-таки? – нажимал Иссерсон, явно желая добиться вразумительного ответа.

– Из Брюсселя информация еще не пришла, а наружное наблюдение ничего подозрительного не выявило, – выдерживая тяжелый взгляд Матвея, пояснил Чаров. – Заурядные контакты живущей в свое удовольствие и следящей за собой женщины, – намекая на увлечение фитнесом и конным спортом Марины, невозмутимо произнес детектив, берясь за наполненную рюмку.

«Лишь бы она не пришла сейчас, лишь бы не заявила!» – мысленно уповал на Бога Чаров, отхлебывая элитный «Чаренц» и не понимая его отменного вкуса. Господь внял его молитвам. Женщина появилась, когда Матвей уехал из офиса. Многокилометровая пробка задержала ее, а звонить по мобильнику Марина не стала.

– Чем отягощен, дорогой? – источая сногшибательные ароматы и чмокая в щеку Георгия, прощбетала она и, повертевшись перед зеркалом, замерла как вкопанная. Ее взор оста-

новился на столике с недопитым коньяком, двумя рюмками и полупустой вазочкой с курабье. – У тебя был... Матвей? – безошибочно догадалась она.

– И если бы присидел еще чуть-чуть, вы бы неминуемо столкнулись, – с укоризной в голосе произнес он.

– Хорошо, что я не звонила.

– Это действительно неплохо, а вот остальное – не очень.

– Он что-то о нас знает? – осторожно спросила женщина, и ее лицо приняло озабоченное выражение.

– Пока нет, но подозревает точно. И мне кажется, он в курсе, зачем ты летала в Брюссель.

– Он догадывается, что я работаю на тебя?

– Мыслишь в правильном направлении. Главное, – энергично повел плечами Чаров, – убедить его, что ты вынудила меня поручить тебе это расследование.

– Но...

– Слушай и не перебивай! – металл зазвучал в его голосе. – Мы признаем факт, что я получил задание от Ергонова и привлек тебя, потому как ты на меня сильно надавила. Пусть Матвей тешится надеждой, что честь его не запятнана. Теперь надо придумать, как и почему ты меня заставила нарушить данное ему слово и вовлечь тебя в это дело. Уходить в неосознанку поздно.

– Что ты рассказал ему? – снедаемая тревожным нетерпением, взмолилась Марина. Она догадалась, что Чаров, не выдержав напора Матвея, приоткрыл завесу над их общей тайной. И теперь жаждала знать подробности.

– Только в общих чертах, не переживай. Нужно было кинуть ему кость, – смешно хмуря брови, оправдывался он. – Я дал понять, что мой клиент интересуется судьбой золота барона. Тогда он заявил, что его дед служил в армии Блюхера, воевавшей с Унгерном, и оставил дневники. И если, мол, они мне понадобятся, готов их с радостью предоставить. Пойми, я спинным мозгом чувствую, что он знает о нашем заказе и о твоём посещении Хеллера. Чтобы сохранить хотя бы видимость дружбы с ним и усыпить подозрения, не сегодня-завтра мне лучше позвонить и покаяться. Дескать, извини, брат, это я отправил твою жену в Брюссель, она, стерва, меня заставила. А если говорить о задании, великой тайны я ему не открыл. Повторяю, идти в отказ, когда он прямо спрашивает, веду ли я расследование, связанное с его хобби, было бы глупо.

– Спорить не буду, – натянуто протянула женщина, и взор ее потускнел. Она испугалась.

– О нас он не заикался, да и моя пресловутая слежка его не особо парит.

– Думаешь, Матвея занимает только заказ и он мечтает отыскать Золотую Тару? – отвлеклась от раздумий Марина.

– А почему бы и нет? – пожал детектив плечами. – Допустим, он получил информацию, что некие люди ищут пропавшее золото барона. Наводит справки и когда удостоверяется, что цена вопроса десятки миллионов долларов, решает поучаствовать в игре. Тебе кажется подобный исход сомнительным?

– Отнюдь. Просто размышляю, как заставила вашу неприступность посветить меня в расследования агентства, – с этими словами ее глаза игриво сверкнули, и она подошла к Чарову.

– Это вопрос! – глухо пробормотал детектив, привлекая к себе Марину...

Глава 7. Тяжелые фигуры в игре

Блюхер понял, что с Кабардиным Дягур подыграл ему, и решил всерьез заняться поисками лазутчика. Но сегодня пришло время обрадовать Ильича. У вождя мирового пролетариата еще не случился первый инсульт, не было продиктовано письмо к съезду, а Сталин не стал генеральным секретарем ЦК, но борьба за власть шла отчаянная. Переваливший тридцатилетний рубеж Блюхер пока лишь вникал в суть жарких внутривнутрипартийных дискуссий, под вывеской которых и шла эта смертельная схватка. Он не претендовал на высшие посты в большевистской России, но, вкусивши сладость власти в Забайкалье, уже не мог забыть ее аромата. На дворе стояла осень 1921 года, и военный министр Дальневосточной республики делал первые шаги в большой политике. Пока он только учился и запоминал, крепко запоминал. Но то, что у него, министра и главнокомандующего, так нагло и беспардонно отняли его добычу, этапировав пойманного Унгерна сначала в Иркутск, а потом в Новониколаевск, больно кололо самолюбие Блюхера. Когда же он узнал, что барон расстрелян и унес тайну сокровищ с собой в могилу, военмин вышел из тени и лично пообещал Ленину найти золото. Момент он выбрал удачный. Пока желтая обезьяна Сухэ будет на пути в Москву, он, Блюхер, перевернет всю Монголию и отыщет сокровища...

Телеграмму Блюхера о благополучном исходе поисков Ленин получил накануне прибытия монгольской делегации и немедленно позвонил Чичерину. «Георгий Василич, загляните ко мне, потолковать надо». Через двадцать минут наркоминдел приехал в Кремль. Поздоровавшись с выбежавшим из глубины кабинета Ильичом, он вопросительно посмотрел на вождя.

– Прошу садиться, Георгий Василич. Разговор у меня к вам, вот какого свойства. Со дня на день, как вы знаете, из Урги прибывают монгольские товарищи. Будем заниматься с ними экспортом революции, батенька, – Ленин визгливо хохотнул и нервически заерзал в кресле. – Социализм без денег не построишь, дорогой мой Георгий Василич, даже такой, как желают наши араты¹² – скотоводческий, – он вновь визгливо хохотнул и, откинувшись в кресле, закинул ногу на ногу. – И вот представьте себе. Сегодня я получаю телеграмму от Блюхера. Кто бы мог подумать, но он нашел пропавшее золото Унгерна! Три тонны чистоганом и еще кое-какая мелочишка. Что скажете на это, батенька?

– Замечательно, Владимир Ильич. Это будет отличный подарок к приезду монгольских товарищей.

При этих словах наркома в глазах Ильича загорелась лукавая искорка. Потирая от удовольствия руки, он на секунду привстал с кресла и тут же уселся вновь, на самом его краешке, пододвинувшись к собеседнику ближе.

– Это как раз тот вопрос, который я хочу обсудить, Георгий Василич. Знаю, мы гарантировали отдать все трофеи, кои возьмем у Унгерна, монголам. Помнится, вы, батенька, это самолично обещали товарищу Сухэ еще в Кяхте.

– Именно так, Владимир Ильич. И сейчас подворачивается как нельзя удачный повод их обрадовать, – разволновался от полученного известия Чичерин. Беспрестанно оглаживая профессорскую бородку клинышком, он не мог взять в толк, куда клонит Ильич, то и дело посверкивавший на него хитрым калмыцким взглядом.

– Обрадовать, говорите. Ну, обрадовать их мы еще успеем. Но посудите сами, Георгий Василич. Им ведь золото, как таковое, собственно, и не нужно. На текущий момент им требуется оружие для их армии. Пулеметы, артиллерия, а также конная упряжь и форменное кавалерийское обмундирование. Ну, и политически подкованные кадры для строительства новой

¹² Монгольские скотоводы-кочевники.

жизни, разумеется. Для этого мы организуем специальное отделение Коминтерна в Иркутске. Товарищ Зиновьев обещал отправить в Монголию опытных пропагандистов-практиков. Мы, конечно, послушаем товарища Сухэ, узнаем их нужды из первых рук, но не думаю, что они нам Америку откроют.

– Думаете, золото э-э-э попридержать, – наконец нашелся с ответом Чичерин.

– В известной степени, Георгий Василич. Мы пообещаем вооружение и дадим инструкторов, а о золоте они узнают дома. Блюхер вывез его из монастыря Гандан, поэтому ничего не сказать не получится. Кстати, очень хорошо, что он конфисковал ценности от имени Буфера, а не Советской России. Так что с нас взятки гладки. Для монгольских товарищей мы не имеем к нему никакого отношения. Вам же, батенька, следует взять на себя дипломатическое оформление дела. Скажете монголам, что ввиду полученных разведданных о нахождении золота барона в одном из храмов Урги и угрозы его захвата недобитыми белогвардейскими бандами части Народно-революционной армии ДВР вступили в Гандан и вывезли найденные там ценности в Забайкалье.

– Но Владимир Ильич! Согласитесь, получается не очень красиво, – суетливо запротестовал нарком. – Если даже мы получили информацию о возможном захвате спрятанного в монастыре золота, почему его не взял под защиту гарнизон Урги? К тому же наш экспедиционный корпус...

– Георгий Василич, я все это знаю, – нетерпеливо прервал Чичерина Ленин. – Однако, во-первых, эти разведданные получил Блюхер, а во-вторых, оставлять столько золота в слабо укрепленном городе, вокруг которого рыщут белогвардейские отряды и вооруженные авантюристы всех мастей, под охраной лам и немногочисленного гарнизона архинеразумно. К тому же части экспедиционного корпуса товарища Гайлита не стоят постоянно в городе. Они совершают регулярные рейды вглубь страны, выполняя боевые задачи по поимке и уничтожению разрозненных банд разгромленного Унгерна. Во всяком случае, Георгий Василич, это не наши с вами рассуждения, а доводы Блюхера, с которыми вам и надлежит ознакомить товарища Сухэ, – Ленин пристально посмотрел на наркома.

– Хорошо, Владимир Ильич, сделаю непременно.

– Вот и ладненько! И по поводу ноты, – вернулся к дипломатической стороне вопроса Ленин. – Полагаю, подобную ноту от имени правительства Буфера целесообразно вручить в Чите, когда монгольские товарищи там объявятся.

– Понятно, Владимир Ильич. Однако монголы потребуют от Блюхера вернуть им золото. В Кяхте мы им обещали...

– Да-да, Георгий Василич, – оборвал наркоминдела Ленин. – Но вся штука в том, что я попросил Блюхера срочно отправить слитки в Москву. Золотой бронепоезд уже проследовал Иркутск. Ценности поступят в Алмазный фонд к Юровскому. Убежден, это малая толика от царского золотого запаса, захваченного Колчаком и волею слепого случая оказавшегося у Унгерна. Так что мы имеем на него куда больше прав, нежели товарищ Сухэ. С помощью нашего американского друга¹³ мы закупим на него продовольствие и отправим в голодающие районы Поволжья и Сибири. Надеюсь, вы понимаете, Георгий Василич, если русская революция погибнет, монголы будут обречены, как и вся мировая революция. А так они получают вооружение и амунисию, много вооружения. Скажете, неразумно?

– Разумно, Владимир Ильич. Я поработаю в ключе ваших предложений и с учетом предстоящих переговоров с монгольскими товарищами доложу свои соображения. Кстати, транспорт с зерном от мистера Хаммера скоро прибывает на рейд Одессы. Я получил от него телеграмму.

¹³ Имеется в виду сочувствующий большевикам американский коммерсант Арманд Хаммер.

– Ну и чудненько, Георгий Василич! Надеюсь, посылка от Блюхера позволит нам прекратить разбазаривать Алмазный фонд с Эрмитажем. А что касается монголов, Блюхер найдет что ответить товарищу Сухэ. Почему бы ему тоже не закупить продовольствие для Дальневосточной республики. Впрочем, это теперь суверенное дело Буфера, – задорно прыснул Ильич. – Думаю, в следующем году мы его упраздним. Японцы контролируют Приморье, но там вряд ли задержатся. Когда они эвакуируют Владивосток, войска Дальневосточной республики сбросят марионеточное правительство братьев Меркуловых и очистят край от белогвардейцев. А посему соблюдать договоренностей по Забайкалью с Японией будет не нужно.

– Однако Дайренская конференция¹⁴ пока идет, туго, но идет, да и...

– Очень хорошо, но это ровно ничего не меняет. Оставим бесплодные дискуссии, батенька, меньшевикам да эсерам. Нам же следует заняться практической стороной вопроса, – в заметном нетерпении попрощался с Чичериным вождь.

После ухода сильно озадаченного наркоминдела Ленин взялся за чтение служебной записки Дзержинского, только что поступившей из секретариата. «Выявление агентов иностранных разведок и их белогвардейских прихвостней, осевших во Владивостоке, Харбине и Монголии, – наша первейшая задача, однако вместо помощи нашим чекистам товарищ Блюхер пытается руководить ими, бросая в рискованные и смертельно опасные авантюры, а то и попросту подменяет их собственными необстрелянными кадрами. Это недопустимо», – жаловался Феликс Эдмундович, намекая на гибель своего любимца Мартенса.

«Победителей не судят, дорогой Феликс», – отвечал Ильич Дзержинскому. – То, что сделал Блюхер, архиважно для задыхающейся в тисках голода республики. Обменяв на хлеб отправленное в Москву золото, мы спасем миллионы преданных революции жизней и обеспечим плавный переход к НЭПу», – урезонивал его Ленин, прося не таить зла на импульсивного, плохо разбирающегося в тонкостях партийной иерархии военмина.

¹⁴ Мирная конференция по урегулированию отношений ДВР и Японии. Проходила с перерывами с августа 1921-го по апрель 1922 года. Закончилась безрезультатно, ввиду отказа Японии указать конкретные сроки вывода своих войск из Владивостока и Приморья, а также невозможности принять ее ультимативные требования к правительству ДВР. К примеру, некоторые из них предусматривали аренду Северного Сахалина на 80 лет, предоставление льготных концессий на разработку полезных ископаемых на территории ДВР, уничтожение Тихоокеанского флота, а также береговых укреплений вокруг Владивостока и на границе с Кореей. Блюхер прибыл в Дайрен как военный эксперт и военный министр ДВР во второй половине ноября 1921 года и покинул конференцию с первыми известиями о начале наступления генерала Молчанова.

Глава 8. Муж мой – враг мой

После того как они влѣсть насладились друг другом, Чаров поехал к Матвею, а вечером Марина подкатила к мужу и ей показалось, что она прощена. Так или иначе, он выслушал ее, не перебивая, а живой пассаж супруги, как она взяла за горло Чарова, от души повеселил его, и он разрешил ей продолжить работу.

На самом деле у Матвея не сложился четкий план действий. Визит детектива ни в чем не убедил его, хотя и притупил подозрения. Сытно отобедав, размягченный и чуть осоловевший, он снисходительно слушал женину воркотню, лениво соображая, поехать ли ему за портфелем сейчас или отложить посещение родительской квартиры до завтра. Несмотря на улучшившееся настроение, он отчетливо понимал, что в своих неуклюжих попытках превратить жену в интересующуюся лишь модой и фитнесом домохозяйку потерпел полное фиаско. Более того, он теперь не был убежден в ее верности, и само допущение подобной мысли отравляло ему существование. Он любил Марину, и это чувство, не поблекшее за годы супружества, оставалось жить в его недобром ожесточившемся сердце. Расчеты и комбинации, которыми он с виртуозной легкостью оперировал в бизнесе, утрачивали смысл в отношениях с ней.

«Дети, вернее, их отсутствие – вот в чем проблема», – пришел к закономерному выводу он, беспечно листая старую записную книжку. За семь лет брака Марина так и не смогла забеременеть, хотя первые три года они вообще не предохранялись. Как-то раз он отправил ее к знакомому весьма вдумчивому врачу. «Ваша жена абсолютно здорова, патологий не обнаружено», – гласил вердикт эскулапа. «Значит, дело во мне. Что ж, обследуюсь, а там посмотрим. Может, не все так страшно», – Матвей выключил телевизор и пошел одеваться. «Сгоняю сейчас к мамане, а то завтра дел навалом», – определился он и набрал номер доктора.

Утром, честно сказав, куда едет, Марина отправилась в архив, где ей посчастливилось разыскать тот самый документ, где Дзержинский сетовал на самовольные действия Блюхера и просил Ленина указать военмину ДВР на недопустимость вмешательства в работу ВЧК. «Где же все-таки была статуя?» – женщина шелестела пожелтевшими, в бурых пятнах, листами. «Ни Ленин, ни Дзержинский, не говоря уже о Блюхере или Дягуре, о ней не упоминали. Да и в Алмазном фонде никаких следов. Неужели Тара оказалась на той самой подводе, которую отбили белогвардейцы?! – спрашивала она себя, покидая закрывающийся архив. – А вдруг правду о Золотой Богине скрывает портфель покойного Самуила, о котором вчера спрашивал муж у свекрови? Надо бы добраться до него!»

В прихожей горел свет, небрежно брошенное на спинку стула пальто темнело в столовой, тогда как его хозяин был поглощен изучением бумаг, рассыпанных по поверхности круглого обеденного стола, под которым валялся вывернутый наизнанку портфель.

– Привет! – задумчиво бросил он, не двигаясь с места. – Где пропала?

– Как где?! В архиве, я же тебе утром рассказывала, – с деланным негодованием отозвалась Марина. – А ты чем занят? У-у-у, какой раритетный портфельчик! – воскликнула она, извлекающая из-под стола вожделенный предмет. Увы, портфель был вытряхнут до последней бумажки и зиял холодной пустотой.

– Дедовский. Покопаюсь в его записках на досуге, – Матвей окинул супругу изучающим взглядом и вновь погрузился в чтение.

– Пойду, приготовлю ужин, – решила поизображать примерную жену Марина, как ее пальчики нащупали потайное отделение, устроенное в плотной кожаной крышке портфеля.

– Ну, так что?! Мы есть-то сегодня будем? – пристальный взгляд уткнулся в нее.

– Уже иду, дорогой, – ангельским голоском проворковала она, водворяя портфель на место. «Пусть лежит, где лежал. В конце концов, не будет же он вечно торчать здесь!» – заключила она, отправляясь на кухню.

Глава 9. Преданный слуга

Вышли третьи сутки, как подьесаул Камет Ергонов не слезал с лошади. Красные висели на хвосте его маленького отряда, но искусным маневром ему удалось обмануть их, и они отстали. Знавший местность как свои пять пальцев, он надеялся добраться до ближайшего бурятского улуса затемно, дать отдых и корм уставшим лошадям и самим перевести дух. А на рассвете отряд продолжит свой путь. Вдали показались тонкие серые дымки, а вслед за ними едва различимые, знакомые одному ему, очертания. Это были юрты его родного улуса, который он покинул больше года назад. Комок подкатил к горлу Камета, и он припустил коня. Верный Артак радостно заржал и, не чувствуя усталости, резво поскакал вперед. Возле порывшей от песчаных бурь и выгоревшей на солнце юрты стояла его мать Отонхой. По обветренным щекам женщины катились слезы. Камет спрыгнул с лошади и подбежал к матери. Она молча обняла его, прижав к трепетавшей груди.

– Пойдем в юрту, сынок. Братья с сестрой заждались тебя, – наконец вымолвила Отонхой, и они зашли внутрь. Вокруг почерневшего казана возились и толкали друг друга три непоседливых мальчугана. Поодаль от них в глубине юрты, справа от деревянной божницы, уставленной медными фигурками буддийских божеств, сидела незнакомая красавица бурятка, в которой он с трудом узнал свою сестру Алтану. В казане варилась баранина. Запах нежного мяса достиг ноздрей Камета, и он почувствовал легкое головокружение. Только сейчас он понял, как сильно голоден. В эту минуту младшие братья облепили его, норовя повиснуть на плечах и шее.

– А ну, кыш, сорванцы! Зачем на человека набросились? Не видите, брат устал, ели на ногах стоит, дайте ему спокойно поесть и отдохнуть! – грозно прикрикнула на них мать. Ласково потрепав каждого по загривку, Камет подошел к Алтане.

– Здравствуй, сестра, совсем взрослая стала, – любовно оглядывая девушку, произнес он, протягивая перевязанный золотистой тесьмой сверток. Глаза Алтаны засияли. Поклонившись брату, она принялась разворачивать подарок.

– А нам? Что ты привез нам? – глядя на сестру, загалдели братья.

– Никто без гостинцев не останется, – устраиваясь у очага, заверил Камет.

После обильной еды, когда мальчишки, вдоволь наигравшись подарками, уснули без задних ног, а Алтана, надев подаренные бусы, не отрывалась от зеркала и не обращала внимания на ворчание Отонхой, Камет вышел из юрты. Ночь выдалась безлунной, но звезды, усеявшие небо, ярко светили над улусом, и под их холодным дальним светом ему было покойно и хорошо. Неясные, напоминающие миражи силуэты поднимались над пустынной, казавшейся вымершей степью. В развешанных сохнуть шкурах гудел ветер, и они скрипели. Лениво и как бы нехотя лаяли утомившиеся за день и до смерти надоевшие друг другу собаки. Сквозь их редкий лай доносился неторопливый говор возле догорающего костра. Бойцы Камета готовились к ночлегу.

– Мама! – распахнув деревянную, обитую изнутри белым войлоком халагу, прикрывавшую вход в юрту, он позвал Отонхой. – Поклянись, что сохранишь тайну, которую доверю тебе и которая принадлежит не мне, – торжественно обратился он к матери. – Когда же тебе придет срок покинуть этот мир, ты передашь ее тому, кого сочтешь этой тайны достойным.

– Отонхой исполнит все, о чем ты просишь, сынок. Но почему бы тебе не доверить свою тайну кому-нибудь из братьев, когда они станут мужчинами? – дрожащим голосом спросила женщина. – Неужели отважный Камет не захочет проводить свою любящую мать? – укоряла она его.

- Камет выполнит свой сыновний долг, но хозяин его судьбы великий Махакала. Доверенная Камету тайна не должна умереть вместе с ним.
- Тогда говори, сынок. Твоя мать слушает тебя...

После июльского сражения под стенами Гусиноозерского дацана и последующего отступления в Монголию Камет неотлучно находился при бароне. Как цепной пес он охранял сон Унгерна, в точности исполняя его приказы и стараясь угадать малейшие желания. Бурят боготворил барона и считал его живым воплощением Махакалы – свирепым божеством, беспощадно разящим врагов буддизма. Хранитель веры, устрашающий Бог войны – вот кем был для него Унгерн.

Камет, как и его сородичи, исповедовал укоренившийся в этих местах ламаизм, своеобразный религиозный коктейль из буддизма и местных шамаистских культов, где смирению и пацифизму отводилась далеко не главная роль. Эту особенность бурят-монгольского буддизма тонко прочувствовал барон и накануне взятия Урги объявил себя Махакалой. Монахи не спорили с этим, особенно когда он изгнал из Урги китайцев и восстановил на престоле Богдо-хана, а сам Далай-лама утвердил его в этом звании. Но времена, когда застывшие в благоговейном молчании коленопреклоненные толпы подобострастно встречали ехавшего на белом коне Унгерна, безвозвратно канули в Лету. Над головой барона сгустились тучи, а он будто не замечал опасности, сохранял бодрость духа и был полон замыслов.

Идти в Тибет на поиски волшебной страны Шамбалы – казалось, эта идея полностью овладела им. Первоначальные планы двигаться на Харбин на соединение с Дальневосточным центром русской эмиграции или прорываться в Приморье, оставив наводненную красными войсками Монголию, были отброшены и забыты. Впрочем, на это имелись веские причины. Экстравагантная фигура барона в глазах вождей Белого движения выглядела слишком одиозной, и, в отличие от японцев и англичан, он едва ли мог рассчитывать на их помощь. Более того, пояись Унгерн в Харбине или Владивостоке, он мог быть арестован и даже казнен. Слишком многих обидел Унгерн, о его жестокостях и зверствах ходили легенды, а те его «жертвы», которым удалось благополучно добраться до Приморья, в красках дорисовывали кровавый портрет.

Офицерам из ближнего окружения барона не было дела до этих, с позволения сказать, трудностей их предводителя. Они изо всех сил рвались в Приморье, а тибетскую авантюру барона считали откровенным бредом и всерьез подумывали, как избавиться от беспокойного и потерявшего всякое понятие о реальности вождя. Камет догадывался о брожении умов в дивизии и не скрывал истинной картины перед бароном. То, что в рядах его воинства зреет недовольство, Унгерн догадывался и без предостережений преданного слуги, но вряд ли полагал, что недовольство зашло настолько далеко, что превратилось в предательство и против него составился заговор. Однако спрятать имевшееся при нем золото он посчитал не лишним и поручил Камету тайно вывезти казну дивизии из расположения лагеря...

Когда Камет добрался до родного улуса, дело было сделано. Ящики с золотом зарыли в степи, а исполнители и непосредственные участники этого мероприятия мирно лакомились бараниной. Избавиться от свидетелей в своем улусе – значит нарушить освященный предками вековой закон гостеприимства. Камет решил исполнить приказ барона чуть позже, когда отряд тронется в путь...

Глава 10. Тайна дедовского портфеля

После ужина Матвей сгреб со стола бумаги и закрылся в кабинете, забыв о бесхозно валявшемся под столом портфеле. Убедившись, что муж капитально увяз в документах, Марина пробралась в гостиную и, открыв потайное отделение портфеля, обнаружила подробную карту и описание к ней. Первым порывом было забрать бумаги. Но, подумав, она сообразила, что в документах, которые сейчас изучает муж, могут содержаться намеки на эту карту. И если Матвей не обнаружит ее в секретном кармане, подозрение неминуемо падет на нее. Недолго думая, она заложила листы в ксерокс, после чего вернула их на место. В ходе этой манипуляции ей бросилось в глаза, что бумага была хоть и пожелтевшая, но без характерных пятен. Во всяком случае, документы за 1921 год, которые она разбирала в архиве, выглядели куда хуже. «Похоже, карта и пояснения к ней составлялись значительно позже», – рассудила женщина. В эту минуту дверь кабинета шумно распахнулась. Тяжелые шаги Матвея раздались в коридоре, затем дверь вновь захлопнулась. «Ай да я, ай да молодец!» – внутренне торжествуя, она похвалила собственную предусмотрительность. Матвей был тоже доволен. В его руки попала карта, с помощью которой он отыщет золотую статую Тары. Дедушка Самуил оставил неплохое наследство единственному внуку. Дело теперь за малым. Снарядить экспедицию и добыть сокровище.

– Значит, точно такая же карта с подсказками есть и у Матвея? – вглядываясь в четкий разборчивый текст описания, заинтересовался Чаров, когда они увиделись в офисе. Он не стал играть задуманную роль скрывающегося в шалаше Ильича и подыскивать для их встреч конспиративную квартиру. «Раз муж в курсе, чем занимается супруга, зачем шифроваться? Наоборот, надо вести себя естественно», – справедливо заключил детектив. – Интересно, расскажет ли Матвей про эти бумаги, как обещал намеренно? – спросил он, усмехаясь.

– Держи карман шире! – в тон ему бросила женщина. – Главное, что теперь он будет искать статую, зная, что ты, вернее, мы тоже ее ищем!

– М-да... Ситуация идиотская! Хотя, насчет статуи ты погорячилась. Матвей знает, что мы ищем золото Унгерна, а не статую. Как думаешь?

Передернув в сомнении плечами, она отвела взгляд.

– Вот что я думаю, Мариш. Нужно дать понять твоему мужу, что наши поиски зашли в тупик и я собираюсь вернуть аванс клиенту. Может, тогда он что-то и проронит на предмет содержания дедовского портфеля. Во всяком случае, обмолвиться на сей счет будет не лишним. Ведь, как ты говоришь, помимо этой карты с описанием у него море документов. Определенно в них указано, какая местность изображена на карте и что надлежит искать. Впрочем, «что» мы и сами знаем. На карте Самуила, скорее всего, изображен участок местности где-то в Забайкалье, а не в степи. Это судя по рельефу. Однако если верить Хеллеру, казна Азиатской дивизии зарыта в даурской степи, а здесь явно не степь. Река, покрытые лесом склоны, довольно большое озеро, но точно не Байкал, окруженное горами плато... Короче, смахивает на Забайкалье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.